

Город-невидимка, ИЛИ Детство на Кадетской

В. М. Шадрова

Мне давно хотелось рассказать об этом замечательном месте в одной из старейших частей города, поделиться тем, что я видела и запомнила, сохранив тем самым малоизвестную страничку из истории Петербурга. У этого места была своя, неведомая проходившим и проезжавшим мимо людям, жизнь. Она была неведомой потому, что происходила внутри территории, невидимой ни с улицы, а именно Съездовской (ныне снова Кадетской) линии, ни с Университетской набережной, ни с Волховского переулка, ни из ботанического сада Университета. Речь идет о той части Васильевского острова, на которой в течение двух с половиной столетий служили, учили, учились и проживали военные.

Это территория, изначально состоявшая во владении светлейшего князя А. Д. Меншикова. Когда звезда князя закатилась, на этом обширном участке земли расположился Сухопутный шляхетский, впоследствии Первый кадетский корпус, учрежденный Указом императрицы Анны Иоанновны от 29 июня 1731 года. То было первое в России учебное заведение, готовившее мальчиков из дворянских семей для службы в Русской армии. Звание офицера было очень престижным, недостатка в воспитанниках не было. Программа была составлена так, что образование они получали разностороннее – кроме обязательных военных наук, французского и немецкого языков, основательно изучались история и литература, «понеже не каждого человека природа к одному воинскому склонна»,

как справедливо отмечалось в Указе императрицы. Воспитанниками корпуса были будущие герои Отечественной войны 1812 года братья Яков и Иван Кульневы, литераторы А. П. Сумароков и М. М. Херасков, поэт К. Ф. Рылеев – один из пяти казенных участников декабрьского восстания 1825 года, драматург В. А. Озеров, изобретатель электромагнитного телеграфа и востоковед барон П. Л. Шиллинг.

Первым директором корпуса был президент Военной коллегии Б. Х. Миних. Среди его руководителей надо также назвать такие прославленные в отечественной истории имена, как полководец М. И. Кутузов и выдающийся педагог и общественный деятель И. И. Бецкой. Для Кадетского корпуса в 40–50-х годах XVIII века было построено нескончаемо длинное здание, начинающееся возле Университетской набережной и заканчивающееся у Большого проспекта. От названия корпуса пошло и название линии – Кадетская.

Чтобы от желания рассказать об этом месте перейти к действию, то есть написанию этого очерка, потребовалось два импульса извне, два побудительных толчка.

Первым из них была вышедшая в 2000 году книга петербургского журналиста Виктора Бузинова «Десять прогулок по Васильевскому». Будучи уроженцем этого острова и проведя на нем детство и юность, журналист, по его собственному признанию, все последующие годы «болел» им и в результате написал замечательную книгу. В ней можно найти множество интересных све-

*Cadran solaire на Меншиковом доме.
Подняв волну, проходит пароход.
О, есть ли что на свете мне знакомей,
Чем штилей блеск и отблеск этих вод!*

Анна Ахматова

дений о зданиях, находящихся в исторической части острова, об их строителях, об их знаменитых и просто примечательных жильцах.

Рассказывая о территориях, находящихся непосредственно за Меншиковским дворцом, Виктор Бузинов писал, что эти пространства бывшей усадьбы светлейшего князя, во все времена скрытые для обозрения, были наполнены для него какой-то особой тайной, но у него никогда не было случая побывать внутри этих пространств, так как они охранялись от посторонних. Когда после длительной реставрации Меншиковский дворец получил статус музея и Виктор Бузинов впервые смог побывать в нем с экскурсией, он первым делом ринулся к окнам, выходящим во внутренний двор, настолько хотелось ему хоть чуть-чуть заглянуть в это закулисье, зазеркалье. Хотелось понять, как оно устроено, «ведь обо всем этом осведомлена лишь сотня-другая живущих на границах с этой «неизвестной землей» аборигенов, для всех остальных сие – тайна за семью печатями». Эта тайна так преследовала его в юношеские годы, что ему не раз снился один и тот же сон: будто каким-то чудом он попадает в эту таинственную зону. Много позже он описал свой «повторяющийся беспокойный сон» знакомому психиатру, тот глянул исподлобья и спросил: «Ты что-то забыл там?» И уже на пороге старости, как писал сам журналист, он понял: «там» остался интерес к тому, что находилось рядом и о чем почему-то не дано было знать.

Вторым толчком стало недавнее сообщение в СМИ о предстоящем функциональном «перепрофилировании» этой территории и находящихся на ней зданий в связи с грядущим изменением дислокации занимающей их в настоящее время Военной академии тыла и транспорта. Это неизбежно повлечет за собой утрату исторического смысла появления и более чем двухвекового существования этого заповедного уголка старого Петербурга.

О Меншиковском дворце существует обширная литература. Можно найти много информации и о Кадетском корпусе, быт и нравы которого замечательно описаны Н. А. Лесковым в повести «Кадетский монастырь», а также в интереснейших воспоминаниях воспитанника корпуса С. Н. Глинки. Сведений о том, что за жизнь там шла во времена более близкие нашим современникам, гораздо меньше. Поскольку судьба распорядилась так, что мои детство и юность прошли именно там, в «зазеркалье», я попытаюсь хотя бы частично заполнить эту информационную лауну, рассказав о некоторых особенностях жизни в этом военном городке.

Сначала надо пояснить, что с 1918 года до середины 50-х годов в стенах и на территории Кадетского корпуса размещалось Военно-политическое училище им. Ф. Энгельса. Во время Великой Отечественной войны оно было эвакуировано в Ивановскую область, но сразу после снятия блокады началось постепенное возвращение училища в родные стены. Мой отец, Михаил Алексеевич Шадров, кадровый военный и специалист по военной топографии, летом 1944 года был командирован в Ленинград, чтобы вместе с другими офицерами и службами начать проводить занятия и готовиться к приему новых курсантов.

Мама с двумя детьми – моему брату Евгению было почти одиннадцать лет, а мне почти полтора года – оставалась в эвакуации, так как для переселения семей не было еще ни жилья, ни разрешений на въезд в Ленинград, без чего переезд был невозможен.

Как и во многих других семьях военных, семейная жизнь моих родителей и в довоенное время, и, тем более, в войну, очень часто пре-

рывалась длительными разлуками, и тогда единственным средством общения становились письма. Мама, принимавшая частые переезды как бесспорную необходимость, связанную с профессией мужа, но, конечно, и устававшая от них, не имея возможности приобретать и сохранять какие-либо иные материальные ценности, кроме самого необходимого – одежды, посуды, ручной швейной машинки и игрушек детям, во всех переездах бережно хранила единственную значимую для нее ценность – письма мужа.

Вот несколько строк из писем отца лета 1944-го. Автору писем в ту пору было 38 лет, адресату 32 года.

Ленинград, 2 июля 1944 года.
«Добрый день, мои дорогие, опять заброшенные, милейшие люди! Спешу вас уведомить о своем благополучном переселении почти вплотную к Зимнему дворцу. <...> Жилой площади здесь много, только ремонт надо делать своими средствами, и этих самых средств – тоже надо много. Пригодная кубатура уже расписана за некоторыми баловнями фортуны. Я, как и многие другие, пока довольствуюсь заброшенной и довольно загаженной коробкой, хотя и окнами на красавицу Неву. Очень торопили нас с приездом, а надо бы еще ремонтировать, ну самое малое – с полгода.

Ходил и бегло осмотрел жизнедеятельность народа. Так, впечатлительность непохожа. Будь у меня тысяча денег, тогда я тебя, дорогая Зинуша, одел бы сравнительно хорошо, а пока что же делать.

Следующий раз напишу письмо более подробное, а сейчас – поцелуй за меня милые рожки наших ребят, а я вас всех крепко-крепко обнимаю. Ваш всегда и навечно постоянный папка. Пишите. Будьте здоровы».

Первое время отец жил в том здании, построенном Трезини на углу Университетской набережной и Кадетской линии, на котором и сейчас можно видеть солнечные часы, увековеченные в стихотворении Анны Ахматовой, взятом эпиграфом к этому очерку.

8 июля 1944 года. «Добрый день, мои дорогие! Вот уже целую неделю я в Ленинграде и пишу вам второе послание. Я уже несколько пригляделся к окружающим условиям и начал привыкать к одинокой жизни.

Конечно, вспоминаю вас часто и ругаю себя, что не имею возможности выхлопотать вам жилье. Вместе было бы лучше, но здесь условия, Зина, такие: чтобы прописаться и получить продовольственные карточки, иждивенцам нужно сперва получить работу. Даже женщины, имеющие маленьких детей, но уже не кормящие грудью – обязаны работать. Сейчас в Ленинграде нет звания «домохозяйка». Работы столько, что трудно определить ее объем, а посему все живое работает. Некоторые наши приехавшие «барыньки» сидят без хлеба, так как привыкли жить в провинциях за счет базарной конъюнктуры.

Нам надо предварительно многое сделать, чтобы, перебравшись сюда, можно было жить и работать, а тебе ведь сейчас даже на работу ходить не в чем.

Справлялся я об обуви. Конечно, в магазине все по талонам, а на рынке, говорят, женские туфли до 3 тыс. рублей. Нас еще к торговой сети не прикрепили, собираются это сделать в августе. Возможно, гражданским работающим можно легче получить справку, но я пока не знаю, как у них это делается. Ясно только одно, публика здесь одета прекрасно.

Ремонт жилищ у нас идет, но конца ему не видно, уж очень сильно загажена жилплощадь. Даже конкретных обещаний на ближайшее время нет. Нам, «одиночкам», крепко достается в общежитиях. Тесновато и грязновато, да и развернуть ничего нельзя. Сейчас у меня задача – как бы вас снабдить мылом. Очень также хочется одеть ребят, но для этого надо получить заборные книжки, тогда ребят к зиме одеть-обуть можно будет.

Из тех 300 руб., которые я привез – уже более сотни истратил на мелочи: зубной порошок, бумага, конверты, одним словом, всякая галантерея, даже термометр купил в аптеке за 3 р. 15 к. К сожалению, и здесь уже «отпотел» малярной трое суток. Хочу идти на малярную станцию, пусть скажут, что это у меня за лихорадка и как, наконец, ее ликвидировать. Занятий во время болезни я не бросал, потому что в общежитии лежать невыносимо – грохот трамваев и машин, а лечебница наша еще не развернулась, так и работал с температурой до 40,

даже пожелтел весь очень заметно. Думал, меня отправят в Москву с такой физиономией, но пока, вероятно, воздерживаются. А вот Рыбалко, Калошина и Пермякова отправили вчера совсем. Я туда не напрашиваюсь, все равно – “где ни быть – надо служить”.

Вот так, дорогая Зинуша. Знаю, что вам сейчас очень трудно, но что же делать, мы не одни такие.

Соскучился по Леруське. Гене скажи, что все газеты я берегу ему и еще кое-что подыскиваю.

Пишите, как ваш огород, скоро ль будет давать продукцию... Скорее бы.

Можно хорошую куклу Лерке купить, – как советуешь? Для ребят здесь всегда есть кое-что. Вчера хотел купить, предлагала продавщица, да вот переслать трудно».

Грохот, сотрясавший стены старинного углового дома окнами на Неву, в котором жил тогда отец, производил не только грузовики, но и трамваи, которые в то время ходили по Первой линии, поворачивая затем со скрежетом на Университетскую набережную и далее к Дворцовому мосту.

13 июля 1944 года. В третий раз пишу вам, дорогие. Не подумайте, что мне делать нечего и пишу от безделья. Нет. Работы у меня хватает, как и у всякого каждого ленинградца, и пишу я не от скуки, так как скучать в таком грохоте тоже невозможно.

<...> На рынок еще не ходил, говорят, что здесь мыла можно купить кусок рублей за 80. Но вот с кем переслать его, а мыла у вас, наверное, нет ни крошечки.

Большинство из нас сидит без табака, этого последнего удовольствия в жизни. На базаре табак очень дорог, я докуриваю последние крошки и с 15-го записываюсь в “вольные стрелки”. Сидим пока на концентраторах, все опротивело ужасно, хочется луку, картошки и капусты, и вообще зелени, а ее здесь нет. Малярия чертова опять трепала. Был в бане, смыл обильный пот и выстирал полотенце. Думаю сходить к Финскому заливу и пополоскать остальное. На Неве как-то неудобно, еще милиция претензию предъявит за загрязнение славной реки.

Поскорее бы все устраивалось. И мне не особенно сладко живется

Вид на здание училища со стороны Университетской набережной

одному. Ты можешь упрекнуть меня, что я опять “утешаю и утешаюсь” мечтой – но что же пока делать?

Да, Зина, здесь ребята с 3-го класса изучают немецкий, а вот Геня задолжает за год по немецкому, пусть готовится в объеме первого года обучения языку.

<...> Ремонт предстоит большой, идет медленно. Первейшее дело – окна. Чтобы купить стекла на одну раму – не хватит моего жалования, а там еще полы, потолки и др. дела. Но это все преодолимо, главное – что ждет нас в будущем.

Вот так, Зинуша. Скучать мне с такими мыслями некогда. Ну, если бы я один, скажем, маялся, то и черт со мной, но вы-то причем, зачем вам-то мучиться? Вот это не дает мне покоя. Семья есть семья,

ее надо уважать и крепить, иначе весь смысл жизни будет не полный. Одной государственной службы для человека мало. Надо заботиться и о семье, это “маленькое государство” тоже требует защиты, укрепления, устройства, а из этих маленьких государств слагается большое, огромное, и если крепки маленькие, то и большое будет всегда крепко и основательно <...>

Смотрю на Леркины “чертежики” на ящике и вспоминаю всех вас. Передай Гене, что я за 14 р. купил ему фонарик, как у Энмара. Ребятам собираю сахар, сухари, только бы вот попутчика до вас найти.

Желаю вам бодрости, крепко всех целую.

Ваш чертовски соскучившийся папка».

Пешеходные дорожки на льду Невы

Праздничный салют

Наконец отец получил разрешение на переезд семьи в Ленинград и морозным январским утром 1945 года отправился на Московский вокзал, чтобы встретить нас. Хотя мне было уже почти два года, этого исторического дня я, конечно, не помню. Не помню и майского салюта Победы в том же году, но осталась память о каком-то другом салюте, зимнем. Запомнившейся деталью было то, что сотни людей стояли на скованной льдом Неве, а в темном небе вспыхивали и рассыпались волшебные огни. Вероятно, лед в те годы был очень крепкий.

Первые сознательные впечатления детства – это, естественно, дом, в котором мы жили, большая игровая площадка перед ним с

клумбами, обрамленными наискось поставленными кирпичами, выкрашенными белой краской, плац за домом, где курсанты отработывали строевой шаг. Маршируя, они часто пели известную в те годы песню «Стоим на страже всегда, всегда...» Все это входило в понятие «городок» – так издавна называются поселения, в которых военные живут с семьями. Существенной характеристикой любого военного городка является его отдельное – в физическом, а отчасти и в административном смысле – от остального, гражданского поселения, бытие. Это своеобразная автокефалия со своим начальством, хозяйственными службами, столовой, медпунктом, детским садом, стадионом, орке-

стром, клубом, магазинчиком «Вонторг». В силу кочевой жизни в семьях военных того времени, как правило, не заводилось собственной мебели, поэтому на ножках столов и стульев красовались овалы металлические жетончики, указывавшие на казенную принадлежность этого имущества.

Пройти в городок извне «просто так» было невозможно. Требовался пропуск. Для своих постоянный, для всех остальных временный, – если, допустим, вы пригласили к себе родственников из Москвы погостить и посмотреть Ленинград и Петергоф, или племянника из Жиздры, нацелившегося поступать в Политехнический институт. Если же на трамвае приезжала в гости тетя Леля с Мичуринской улицы, что возле мечети на Петроградской стороне, то ей достаточно было разового пропуска, при условии, что приглашающая сторона заранее оставила соответствующую заявку или лично вышла встретить и удостоверить личность приглашаемой. Дошкольные дети городка-невидимки гуляли, играли и постоянно обитали на его территории, за исключением походов с мамой в детскую поликлинику Отта, либо в магазин или на Андреевский рынок, либо погулять в Соловьевском саду, который теперь называется Румянцевским. А вот для детей и подростков школьного возраста, ежедневно выходивших из городка в город и обратно, существовал некий, говоря современным языком, фейс-контроль – дежурные курсанты на проходной в главном здании быстро запоминали их и документов обычно не требовали. Правда, со временем правила несколько ужесточились. Проходная, кстати, находилась не там, где сейчас, а ближе Большому проспекту, первая справа от арки.

У детей, выходивших за пределы городка, были школьные друзья, которым не было доступа на нашу заповедную территорию, а им иногда очень хотелось незапланированно прийти в гости или в кино, которое часто показывали у нас в клубе. Тогда они «прорывались» – этим словом обозначался резкий и быстрый пробег мальчишки, а иногда и самой отчаянной девчонки, через проходную мимо не ожидавшего такой дерзкой акции дежурного.

На территории училища было два жилых здания. Одно из них, поменьше, находилось в глубине территории, за плацем. Мы жили в другом – четырехэтажном, из темно-красного кирпича, расположенном параллельно Кадетской линии и почти вплотную к оси Большого проспекта. В нем была центральная «парадная» лестница и еще две – одна в правом, другая в левом крыле здания, они назывались «черными». В каждой квартире, кроме той, которую занимала семья начальника училища генерала Лепехина, проживало в основном по две-три, редко четыре семьи. В большинстве семей было по двое детей. Исключение составляли однодетные семьи Бондаренко и Зайковских, одна молодая бездетная пара и семьи Дегтяревых и Луцинских, в которых, несмотря на трудности послевоенной поры, появлялись все новые дети, и все были чисто одеты-обуты, веселы и дружны между собой.

Все квартиры, находившиеся на площадках по обе стороны от центральной лестницы, имели по два входа-выхода. Один – с парадной, другой с черной лестницы, или, как ее часто называли, черного хода. Черная служила для принесения дров из сарая во дворе, выноса мусорных ведер и хождения в гости к соседям, проживавшим в левом и правом крыле здания. Таким образом, в доме было четыре квартирных вертикали. Для детей, населявших его, особенно интересной была возможность, не выходя из здания, попасть из любой квартиры дома в любую другую, потому что с третьего, допустим, этажа левого крыла можно было, не спускаясь на улицу, попасть через две квартиры «белой» лестницы в правое крыло. Особенно полезным такое устройство дома было в зимнее время, ведь можно было перебежать через весь дом в платье и домашних тапочках. Тут надо пояснить, что двери центральных квартир, выходящие на черную лестницу, исторически запирались не на ключ, а на некий засов-задвижку, а часто днем и вообще не запирались, достаточно было только стуком известить соседей о том, что кто-то хочет войти в их квартиру.

На каждой площадке черной лестницы под широким подоконником имелись две деревянные дщелы, выкрашенные коричневой

краской. Открыв их, можно было увидеть полки, на которых хозяйки хранили продукты, в том числе картошку. Холодильников тогда не было в помине, и такие «холодные шкафы», проветривавшиеся с улицы через специальные небольшие отверстия, забранные решеткой, помогали какое-то время сохранять продовольствие, тем более что лестницы не отапливались.

В каждой квартире имелись балконы в тех комнатах, окна которых находились на восточной, тыльной стороне дома, в то время как фасад здания украшали полукруглые угловые балконы, вход на которые был с кухни.

Летом дверь на балкон часто держали полуоткрытой, чтобы кухонные запахи легко выветривались, если сразу три или четыре хозяйки занимались приготовлением обеда или ужина. Газовые плиты и отопление появились где-то году в 1955-м или 1956-м, – до того времени печки в комнатах топились дровами, а еду готовили на керосинках, примусах и керогазах. Дрова надо было сначала «выписать» в хозчасти училища, а когда их привозили, вся семья выходила переносить их в сарай, собственноручно построенные нашими отцами неподалеку от дома. Часто привезенные поленья были в метр и более длиной, и их надо было еще распилить, наколоть и аккуратно сложить. Зимой принесенные в квартиру дрова, перехваченные двойной веревкой, с деревянным грохотом опускались на медный лист перед печкой. В квартирах парадной лестницы печи были облицованы белым кафелем, их называли каминами, в остальных стояли высокие круглые печи, разделенные стеной комнаты на две половины так, чтобы тепло от гофрированного железа, покрывающего печки, одновременно шло в оба помещения.

За керосином ходили с жестяным бидоном в полуподвальную лавку на Второй линии. В том доме, как свидетельствует укрепленная на нем не так давно мемориальная доска, жила Таня Савичева, дневник которой стал памятником блокадного времени. Оказывается, она училась в той же 35-й школе на Съездовской, в которую некоторое время ходил мой брат, а потом и я.

Сначала мы жили в большой комнате на четвертом этаже по па-

Отец (слева) сооружает дровяной сарай

радной лестнице, потом переехали в две – и тоже немаленькие – на третьем этаже по черной лестнице. Несмотря на увеличение площади и появление у меня собственного «уголка» для многочисленных кукол и игрушек, в душе осталось некое ощущение потерянного рая.

Возможно, до революции квартиры по парадной лестнице занимали офицеры по званию старше тех, кто квартировал в левом и правом крыле. Тем не менее в каждой из квартир дома имелась большая ванная комната со старинной ванной на львиных лапах, красивым полом, выложенным ярко-синими и светло-серыми кафельными плитками, и печкой, топившейся дровами. Правда, ванной пользовались больше в теплое время года, так как для нагрева помещения и воды требовалось очень много дров. Обычно все ходили в баню на 9-й линии, где всегда были большие, томительные очереди, пока не открыли еще одну баню – на Пятой линии. Впоследствии, когда в квартиры провели газ и установили газовые колонки, печку сломали и хождения в баню прекратились, горячей воды стало вдоволь.

Также в каждой квартире дома наличествовала маленькая узкая комнатка метров на десять, как говорили, раньше она предназначалась для прислуги. В нашей квартире ее занимала незамужняя в то время тетя Лена Малаховская, выпускница Ленинградского библиотечного института, работавшая в библиотеке училища.

Территория городка была весьма обширной, полной интересных

закоулков и тайн. Поскольку она была со всех сторон закрыта от внешнего мира, родители не боялись отпускать детей гулять одних с раннего возраста.

Сначала была освоена территория непосредственно вокруг дома. Оказалось, что на тыльной его стороне имеется «рост Петра Великого». Дело в том, что неизвестно когда и по какому случаю к стене дома было приделано нечто вроде высокого металлического короба, выкрашенного серебряной краской, к верхней части которого была привинчена медная табличка с выгравированной надписью «Рость Петра Великого». Под надписью шла черта, указывавшая этот самый рост. Поскольку ревнивое сравнение отметок своего роста на дверных косяках с отметками соседских детей шло постоянно, этот недостижимый рост императора был как бы примиряющим всех эталоном. Небольшая площадка вокруг этого памятного знака была обнесена металлической оградой, через которую мы любили кувыркаться.

Перед нашим домом, к подъездам которого вели старинные дорожки из квадратных плит светлого камня, находилась большая площадка, окруженная по периметру высокими кустами боярышника и акации. Конечно, от меншиковских садов, прудов, аллей и оранжерей к тому времени уже не осталось и следа, но этот двор-сквер был по своему очень хорош.

Во время войны на его месте были разбиты огороды. Сразу же после войны, без раскочки, везде в Ленинграде развернулись большие работы по восстановлению и озеленению города, приданию ему чистого и нарядного вида. Весной 1948 года и в нашем «городке» офицеры вместе с женами провели несколько субботников, в результате которых вместо грядки появились цветники. Затем к благоустройству подключились хозяйственные службы училища. Очень скоро наш сквер превратился в сказочную игровую площадку. Его окружала реечная ограда со столбиками, на которых были укреплены вырезанные из железа и раскрашенные яркими красками петухи в натуральную величину. Такие же петухи украшали крышу домика с крылечком и окошками, построенного для детей,

Наш двор зимой 1951 года

Больше разбежишься – дальше пролетишь

чтобы в пасмурную погоду в нем можно было укрыться и играть. Кроме обычных качелей и качели-доски, были устроены «гигантские шаги». Этот аттракцион состоял из высокого, вкопанного в землю столба с укрепленным на вершине колесиком, от которого к земле спускались четыре каната. Нижний конец каждого каната был завязан петлей. Просунув левую ногу в эту петлю и ухватившись руками за канат, дети изо всей силы разбегались и подпрыгивали, пролетая по воздуху порядочное расстояние, приземляясь и снова разбегаясь для следующего «гигантского шага». Это развлечение пользовалось популярностью и называлось просто «гиганами» – «Пошли, покатаемся на гиганах!».

Была также карусель, приводимая в движение родителями или самими детьми, и песочницы – для

самых маленьких. Над ними возвышались деревянные «грибки» в человеческий рост, с красными шляпками в белый горошек. Зимой заливалась водой специально построенная деревянная катальная горка. В общем, не было никакой потребности искать развлечений где-то на стороне, да в обычных ленинградских дворах их тогда и не было, во всяком случае в таком разнообразии и количестве. Вот и «прорывались» к нам иногда рискованные сорвиголовы «с улицы».

Отдельно надо сказать о таком элементе двора-сквера, как скульптура из белоснежного мрамора, единственная, по-видимому, из украшавших когда-то аллеи леген-

Примерно так выглядела эта скульптура

Курсы вязания. 1949 г.

Скоро первые варежки будут готовы

дарных меншиковских садов. Прелестная женская фигура, присевшая на мраморную скалу с выступом, на который был накинута мраморная же венок. Эта красота стояла в центре большой клумбы, окруженной садовыми скамьями с изогнутыми спинками. В летнюю пору по вечерам на них любили посидеть женщины, выкроив часок для разговоров, в руках их, поблескивая, мелькали спицы. Одежду в магазинах тогда покупали нечасто, носили сшитое-перешитое-связанное своими руками. Многие научились этому искусству на созданных при клубе училища курсах кройки, шитья и вязания.

Говоря о территориях вокруг нашего дома, не могу не упомянуть

один факт, вернее артефакт, теперь кажущийся нереальным. К северу от территории училища, сразу за дровяными сараями, находился довольно большой, огороженный высоким забором с колючей проволокой наверху участок земли, на котором стояли две вышки. Не знаю, кому принадлежал тот участок – то ли находившемуся совсем рядом ГОИ (Государственному Оптическому институту), то ли еще кому-то. Фотография, сделанная в те годы, хорошо передает атмосферу этого странного места, которому В. Бузинов в своей книге дал точное определение – «нежить». Зимними вечерами из наших окон была

Мама в платье, связанном своими руками. 1950 г.

отчетливо видна, на фоне белого снега, одинокая фигурка часового с винтовкой, размеренно ходившего вдоль «нашей стороны» ограждения, где находились гаражи с техникой и склад горючих материалов. Так вот, недалеко от той загадочной зоны некоторое время после войны прямо на земле лежал не то полуразбитый, не то полуразобранный настоящий самолет. Для девочек, в отличие от мальчишек, он не представлял особого интереса, поэтому не знаю, откуда он там появился и куда потом делся. Но помню, что в нашем доме время от времени возникали куски толстой мятой фольги и какие-то как бы пропитанные маслом ленты из тончайшей папиросной бумаги, они были от самолета, как говорил брат.

Кроме самолета, в самом, можно сказать, историческом центре города имелась корова. Ее некоторое время после войны держали на хозяйственном дворе за Меншиковским дворцом, видимо, ради молока для детей.

Наша квартира в левом крыле дома имела удачное расположение, так как из окон, выходящих на запад, хорошо видно было, что делалось за пределами городка на доступном взору участке Съездовской и угла Первой линии. Вид из окон, выходящих на север, не менялся ни зимой, ни летом, так как над крышами ближних домов возвышались колокольня и купол недействующей в то время церкви Святой Екатерины. На самом вершине купола был шар, а на шаре – фигура ангела со слегка опущенной головой и правой рукой, воздетой к небу. Это было очень красиво, немного печально и загадочно. Силуэт купола и ангела на фоне утреннего, дневного и вечернего неба сопровождал всю нашу ежедневную жизнь, на него я смотрела, не отрываясь, когда майским днем 1951 года меня завела в свою комнату тетя Лена и, обняв за плечи, сказала: «Лилечка, с твоим папой случилось большое несчастье». В тот день пришло известие о его гибели в военном лагере училища в Красном Селе...

Много позже, когда мы уже покинули Васильевский, началось восстановление этой церкви, и в руки ангела прямо с неба был вложен отсутствовавший много десятилетий крест, бережно и точно опущенный

За забором – «нежилы»

на тросах с вертолета. Сейчас храм снова стоит в лесах, очевидно, идет его основательная реставрация.

В первом этаже нашего дома находился детский сад. Некоторое время, как и остальные дети моего возраста, я ходила в него. То был почти домашний детский сад. Спустишься со своего третьего этажа – и ты уже там. Когда отец взял отпуск, чтобы отпустить жену в санаторий, и три недели был «за маму», он сообщал ей в Феодосию: «Лилька в садике кушает все, что дают, иногда просит добавки. А вот дома, как ты уехала, не скушала ни кусочка черного хлеба, ест только булочку. Жизни она полна. Встает раньше всех и собирается в детсад с 8 часов, («а то Генька раньше меня уйдет в школу»), а ей первенства ни в чем не хочется уступать. В детсад

Хлеб чаще был черный и по карточкам, а о сникерсах никто и не слышал

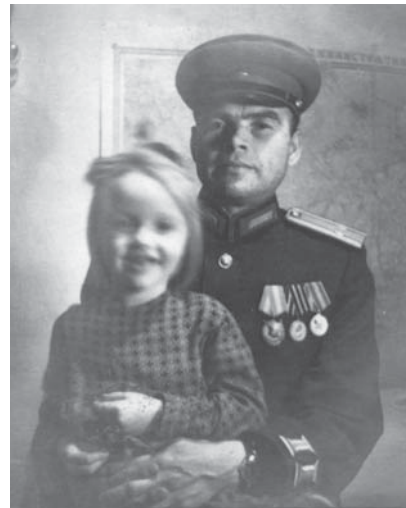
С братом Евгением. 1946 г.

собирается как на пожар. Сегодня, например, пришли, а там еще никого нет. Смутилась и расплакалась. Пришлось Музе Алексеевне ее утешать, а тут и другие ребята привалили с заплаканными мордочками, ну, все смешалось, а через пять минут смеялось!» Видимо, отбившись от маминых рук и почувствовав некие послабления в дисциплине, я стала расширять свои границы свободы, потому что в следующем письме папа пишет, «Лилька требует, чтобы я ее не встречал».

Музу Алексеевну, воспитательницу группы в детском саду, как и Марию Васильевну, фельдшера санчасти училища, к которой частенько обращались с просьбой зайти к «затемпературившему» ребенку, хорошо знали все родители. Их всегда

приглашали на новогоднюю елку, устраивавшуюся в какой-нибудь из квартир для всех детей.

Хотя основные игры и развлечения происходили в сквере перед домом, это не значило, что позади дома не было ничего интересного. Только на первый взгляд казалось, что кроме дикорастущей травы и нескольких низкорослых кустиков там ничего не было. Первый взгляд не всегда самый верный. Именно там, на теневой стороне, девочки устраивали «секретки». Это искусство имело свои законы и заключалось в выкапывании в земле неглубоких ямок, дно которых выстилалось серебряной фольгой от конфеты или просто фантиком, затем в эту ямку помещалась часть

С папой. 1948 г.

Дед Мороз в военной шапке-ушанке со звездочкой

Цепи для елки делались своими руками

имевшихся в распоряжении хозяйки будущего «секрета» сокровищ, например, граненая бусина густого рубинового цвета, голубоватое перышко, оброненное какой-то птицей, осколок разбитой чашки с красивым рисунком. Все это прикрывалось стеклышком, а сверху насыпалась земля, набрасывалась трава, чтобы ничего не было видно. «Секреты» делались в двух-трех разных местах, и если сокровищ на них не хватало, на фольгу укладывали сорванный поблизости цветок одуванчика или ноготка. Самое интересное было – прийти спустя день, найти по тайным приметам

свой секрет, сдвинуть ладонями землю и, затаив дыхание, любоваться открывшейся под запотевшим стеклышком неземной красотой. Водяные капли на внутренней стороне стекла дрожали и переливались, придавая сокровищам еще большую прелесть. Разделить это счастье допускались близкие на тот момент подружки. Калейдоскоп ежедневных дружб-ссор-примирений мог привести к тому, что твое сегодняшнее доверенное лицо назавтра, из-за спора в игре в лапту или штандер, оказывалось в противоположном лагере и могло выдать твою тайну, или еще хуже – в

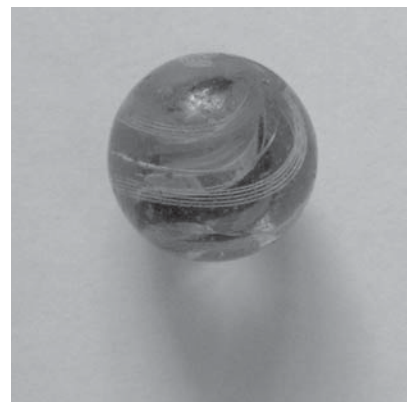
случае серьезной ссоры разрушить твой любимый «секрет». Так что страсти там играли нешуточные.

Именно там, за домом, копаясь в «неокультуренной» цветниками и клумбами земле, мы находили иногда удивительные предметы, свидетельствующие о какой-то другой жизни, другой культурной эпохе. Так, например, я оказалась обладательницей маленькой, с вишню величиной, фарфоровой головки китаецца. По сравнению со слепящей белизной этого фарфорового личика наши чашки и тарелки казались какими-то не совсем белыми. Взрослые сказали, что это была деталь от модной некогда настольной безделушки в виде китайского болванчиков с качающейся головкой.

Попадались и другие не менее ценные в наших глазах предметы – продолговатые хрустальные подвески от старинных люстр, обломок браслета, состоявший из трех звеньев, заполненных вязью тончайших серебряных нитей филигранной работы. Такими предметами дорожили особо, обменивались ими неохотно. Вероятно, эти фрагменты сломанных и разбившихся вещей когда-то были либо выброшены в окно, либо просто потеряны, и за два с лишним века из них образовался вот такой культурный слой.

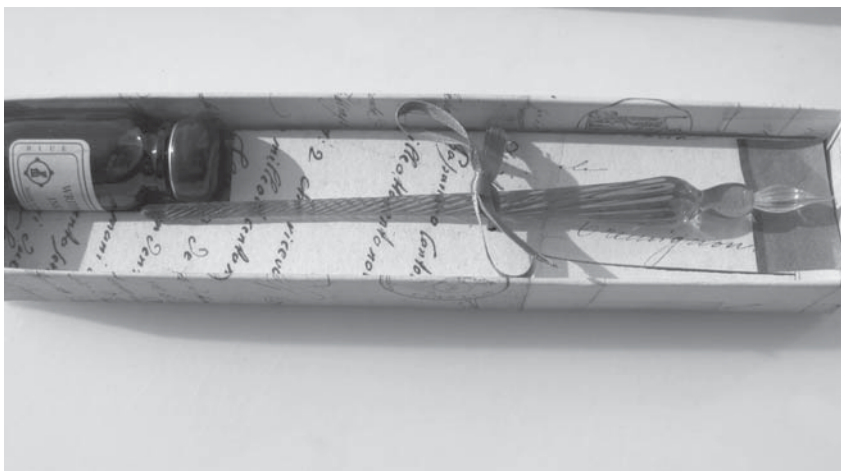
Происхождения двух других необычных предметов не помню, и были они самыми загадочными.

Один из них представлял собой прозрачный литой стеклянный шарик, внутри которого спиралью вилась узкая разноцветная лента. Назначение этого шарика было непонятно не только детям, но и взрослым. Второй предмет был тоже из стекла – витой стержень длиной с карандаш, сужающийся к одному концу и с утолщением в виде шарика на другом, но самый конец

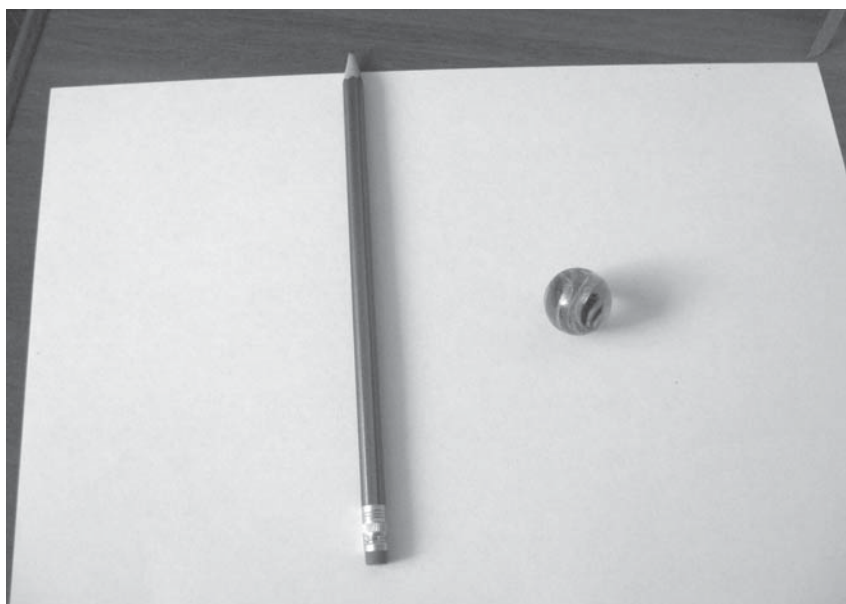

отбит. Было совершенно непонятно, для чего мог служить этот хрупкий предмет из светло-зеленого стекла. Кто-то из старших, правда, сказал, что это обломок старинной ручки, но в голове не укладывалось, как такой ручкой можно было писать. Разгадки пришли, но спустя полвека.

Шарик оказался «камушком» для игры в marbles, как сказала увидевшая его американка Элли Хофстеттер, гостившая у меня в 2005 году. Той самой загадочной для советских детей игры в шарики, в которую играли Том Сойер и его друзья. Конечно, может, где-то и у нас играли в эту игру, но мы о ней не слышали.

Запаса чернил в этой ручке хватает на целых две строки

Назначение другого предмета открылось еще позже, уже непосредственно на американском континенте и при участии той же Элли. Мы ехали в Канаду, в направлении Ниагарского водопада, на пути сделали остановку в городе Корнинг (Corning), в котором находится знаменитый Музей стекла. Этот потрясающий музей достоин отдельного рассказа, здесь упомяну лишь, что перед выходом из огромного музейного здания посетители обычно надолго задерживаются в магазине, в котором можно купить самые разнообразные изделия и сувениры из стекла. Там-то я и углядела предмет, до боли похожий на витой стеклянный стерженек

из детства. Он лежал в элегантной узкой коробочке-пенале, перевязанный шелковой ленточкой. Рядом с ним – маленький темно-синий пузырек с чернилами (Writing ink), о чем сообщала наклейка старинного образца. Все стало ясно – оказывается, когда-то писали не только гусиными перьями, но и такими ручками, если, конечно, у них не был отбит «носик-перышко», как у моей. Стеклянный «носик» этот представляет собой что-то вроде изящно вытянутой полой луковки с узкими продольными прорезями. При обматывании такого «пера» в чернила, луковка заполнялась жидкостью и удерживала его, физики умеют объяснить природу этого явления. Пока

я, не отрывая глаз, разглядывала эти необыкновенные инструменты для письма и другие сувениры, решая, на чем остановиться, стоявшая неподалеку Элли тоже что-то выбирала и покупала, переговариваясь с продавцом, который через минуту подошел ко мне и с улыбкой вручил этот замечательный ностальгический подарок от нее.

Потом, уже дома, я нашла лист красивой бумаги и написала ей этой «старинной» ручкой «старинными» чернилами письмо, в котором постаралась выразить все свое чувство благодарности за такой бесценный подарок.

При написании этого очерка я порылась в Интернете, надеясь отыскать какую-нибудь информацию об этих ручках, и узнала, что, оказывается, был и другой, более поздний вариант таких ручек из знаменитого муранского стекла. У них вместо стеклянной луковички, в которой удерживается маленький запас чернил, было съемное стальное перо. Сейчас такая ручка, как у меня, стоит целых 40 долларов.

Закончу тему о сокровищах еще одной цитатой из письма отца маме: «Лилька натаскала, как сорока, массу стекляшек. И все-то они «драгоценные»... Прошлый раз, убирая кухню, я отнес мешок прошлогодних стекляшек в сарай. Она горевала-горевала и снова начала собирать «коллекцию»!»

(Окончание следует)

